

СНЕЖИНКА



Луиза
Нилон

Луиза Нилон

Снежинка

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67138017
Снежинка: Синдбад; Москва; 2021
ISBN 978-5-00131-401-1

Аннотация

Дебби Уайт, выросшая на ферме с мамой, у которой, как считают многие, «не все в порядке с головой», и дядей Билли, питающим слабость к выпивке братом мамы, поступает в учебное заведение с самой высокой в Ирландии концентрацией привилегированных снобов – Тринити-колледж Дублинского университета. Для наивной и чувствительной Дебби это совершенно другой мир. Примет ли он ее? Примет ли она его?..

«Снежинка» – очень искренний и трогательный рассказ о том, каково это – взрослеть в двадцать первом веке.

Содержание

Трейлер	6
Пассажирка из пригорода	16
Не Мод Гонн	28
Сирша	36
Шлюхины ожоги	39
Табернакль	44
Эшлинг	48
Девушка с глянцевой обложки	52
Сны воды	60
Благословение	72
Умудренный философ	77
Двадцать пять	84
Сладкие ощущения	91
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Луиза Нилон

Снежинка

Copyright © Louise Nealon, 2021

First published in the UK in 2021 by Manilla Press, an imprint of Bonnier Books UK

Published in the Russian language by arrangement with *The Agency srl*

Russian Edition Copyright © Sindbad Publishers Ltd., 2021

Правовую поддержку издательства обеспечивает юриди-

Корпус Права

ческая фирма «Корпус Права»

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. Издательство «Синдбад», 2021

* * *

Дебби Уайт, выросшая на ферме с мамой, у которой, как считают многие, «не все в порядке с головой», и дядей Билли, питающим слабость к выпивке братом мамы, поступает в учебное заведение с самой высокой в Ирландии концентрацией привилегированных снобов – Тринити-колледж Дублинского университета. Для наивной и чувствительной Дебби это совершенно другой мир. Примет ли он ее? Примет ли

она его?..

«Снежинка» – очень искренний и трогательный рассказ о том, каково это – взрослеть в двадцать первом веке.

*Посвящается моим родителям Томми и Хильде
– за их мудрость, любовь и поддержку*

Трейлер

Дядя Билли живет в трейлере в поле за нашим домом. Впервые увидев на дороге другой трейлер, я решила, что кто-то – другой ребенок – похитил у меня дядю. Только тогда я и узнала, что трейлерам положено двигаться. Трейлер Билли никогда никуда не ездил. Его как поставили на бетонные блоки, так он и стоял у нас на задворках с самого моего рождения.

Я приходила к Билли по ночам, когда боялась ложиться спать. Билли разрешал мне выходить из дома, только когда из моего окна было видно луну и если я приносила ему из сада *желания*. Завидев в окне круглую, толстую луну в ночь своего восьмого дня рождения, я стремглав слетела по лестнице, выскочила в заднюю дверь и босиком помчалась по росистой траве, через живую изгородь, которая вцеплялась в меня колючками и тянула назад за рукава пижамы.

Я знала, где искать *желания*. За изгородью, возле трейлера, их росла целая россыпь. Я срывала одно за другим, наслаждаясь негромким треском стеблей, липким соком из обломанных концов, тем, как упругие головки пружинят друг о друга. Я бережно прикрыла цветы ладонью, словно свечу на ветру, стараясь не сбить ни одного шарика, не уступить его ночи.

Собирая цветы, я вертела в голове слоги – о-ду-ван-чик, о-

ду-ван-чик, о-ду-ван-чик. Днем мы нашли это слово в большом словаре у Билли под кроватью. Дядя объяснил, что у английского слова «одуванчик» – *dandelion* – французское происхождение. *Dent-de-lion* по-французски значит «львиный зуб». Одуванчик начинает свою жизнь милашкой в желтой юбке из остроконечных лепестков, напоминающей балетную пачку.

– Это его дневной наряд, но рано или поздно цветок начинает клонить ко сну. Он увядает, выглядит усталым и помятым, но стоит подумать, что его песенка спета, – Билли вскинул кулак, – как он превращается в белый шарик. – Он раскрыл ладонь и достал из-за спины белый, похожий на сладкую вату одуванчик. – В пушистую луну. В святое таинство желаний. – Он дал мне его сдуть, как задувают именинные свечи. – В созвездие грез.

Любуясь врученным мной букетом *желаний*, Билли открыл дверцу трейлера. Я сорвала все одуванчики, которые только смогла найти, – хотелось сразить его наповал.

– Так и знал, – сказал он. – Знал, что луна обязательно выйдет в твой день рождения.

Мы наполнили водой пустую банку из-под джема и спустили в нее пух с одуванчиковых головок. Пушинки плавали на поверхности, будто малюсенькие купальщики, лежащие на спине. Я закрыла крышку и встряхнула желания, чтобы устроить им праздник, увидеть, как они танцуют. Банку мы водрузили на стопку сырых газет, откуда желания могли

смотреть в пластиковое окно трейлера.

Билли поставил кастрюлю с молоком на конфорку своей газовой плиты. Его кухня походила на игрушечную, которую я надеялась получить на Рождество. Меня всегда удивляло, когда в ней на самом деле удавалось что-то приготовить. Он разрешил мне помешивать молоко, пока оно не забулькало, и я отодвигала белую кожицу обратной стороной ложки. Потом он насыпал в кастрюлю какао, и я стала взбивать его ложкой, пока не заболело запястье. Мы перелили его дымящейся коричневой струей во фляжку и взяли с собой на крышу, куда пошли смотреть на звезды.

Семена одуванчиков полностью ушли под воду лишь через много дней. Они льнули к поверхности, свисали со своего водяного потолка, а потом то ли сдались, то ли заскучали. Но едва мир с ними распрощался, как вверх потянулись крошечные зеленые побеги – словно растения-русалочки отрасли себе хвосты под водой. Билли позвал меня к себе поглядеть на эту упрямую мелюзгу – на желания, отказывающиеся умирать.

* * *

В мой восемнадцатый день рождения стучаться к Билли было немного боязно. Я ведь давно не навещала его по ночам. Дверь трейлера холодила костяшки пальцев. Она была проложена резиновым уплотнителем, как дверца холодильь-

ника. Я вонзила ногти в тугую мякоть и потянула. От резинки оторвалась гладкая полоска, словно прожилка сала от куска окорока. Послышался шорох бумаги и тяжелые шаги. Билли открыл дверь, изо всех сил стараясь не показать, что удивлен.

– Ну, – сказал он, возвращаясь в кресло.

– Спящий красавец, – приветствовала его я.

Утром он проспал дойку, и мне пришлось его подменить.

– Ага, извиняюсь.

– Причем в мой день рождения.

– Ну, лажанулся. – Он скривился. – И как только наш преподаватель Джеймс допустил, чтобы тебя подняли с постельки?

– Он был не в курсе. Мама забыла ему сообщить.

– Хороши гости на вечеринке! И сколько тебе стукнуло?

Шестнадцать шоколадных?

– Восемнадцать вредных.

Видеть, как его лицо морщится в веселой усмешке, – уже победа. Я дождалась, пока он отвернется, чтобы наполнить чайник.

– Сегодня пришли ответы из колледжей, – сказала я.

Он выключил кран и оглянулся:

– Неужто сегодня?

– Ага. Я поступила в Тринити. Занятия со следующей недели.

Дядя, кажется, расстроился. Помедлив, он взял меня за

плечи и вздохнул:

– Охренительно за тебя рад.

– Спасибо.

– На хрен чай. – Он отмахнулся. – На хрен чай, достану-ка я лучше виски.

Он стал копать в шкафу. Тарелки задребезжали, башня мисок накренилась. Билли безуспешно пытался остановить коленом посудную лавину. Мне хотелось поднять осколки, чтобы занять руки, но тут он с победным видом встал, выудив из шкафа бутылку «Джеймсона».

– С днем рождения, Дебс!

– Спасибо.

Я приняла бутылку виски из его рук, будто лотерейный приз.

Мы оба смущенно умолкли. Проявлять инициативу не хотелось. Я ведь теперь взрослая. И ничего выпрашивать не собираюсь.

– Небо сегодня ясное, – наконец сообщил он.

– И охренительный мороз, – добавила я.

– Если что, в шкафу есть грелка.

Билли потянулся к дверце в потолке, опустил раздвижную лестницу и потопал наверх в сапогах, волоча за собой спальник, точно сонный ребенок одеяло.

Я поставила чайник, чувствуя, как на меня таращится причудливое содержимое дядиного трейлера. Над кроватью висела деревянная модель самолета, на котором, как на ка-

челях, сидел крошечный человечек с биноклем в руках. За французские усики мы окрестили его Пьером.

От горячей грелки рукам стало теплее. Я поднялась по лестнице, перешагивая через две ступеньки, и в лицо ударил ночной ветер. Точно на корабле. Забравшись в коконы спальников, мы улеглись на стальной оцинкованный лист, служивший кровлей жилищу Билли. Он был холодный и скользкий. Лежишь будто на льдине. Мы смотрели в небо так пристально, словно только сила наших взглядов и удерживала его на месте.

Вид, открывающийся с крыши трейлера, – единственное, что не уменьшается с годами. Нам было слышно, как хрустит трава под копытами коров. Они неспешно приближались и нюхали воздух, чтобы понять, что происходит. Я тоже втянула носом затхлый запах трейлера, исходящий от спальника. От Билли пахло табаком и соляжкой. Рукава его джемпера свисали над шерстяными митенками. Колючая щетина топорщилась вокруг рта и тянулась по щекам до самых ушей, переходя в шевелюру.

– С тебя история, – сказал Билли.

– Нет настроения.

– Давай, – сказал он. – Я выберу звезду.

Я с напускным безразличием играла молнией спальника, потом заправила волосы за ухо и ждала, пока он укажет на какую-нибудь звезду.

– Полярную видишь?

– Где уж мне разглядеть самую яркую звезду на небе.

– Вообще-то самая яркая – Сириус.

– Ты сам говорил, что Полярная.

– Значит, я ошибался.

– Внезапненько!

– Ну так видишь? Я тебе ее показывал?

– Всего раз двести, только ты говорил, что она ярче всех.

– Она вторая по яркости.

– По-твоему, я должна различить вторую по яркости звезду?

– От нее мы ищем букву W.

– Знаю-знаю: та, что кажется самой яркой... а на самом деле нет.

– Я просто уточняю – вдруг мы говорим о разных звездах.

Ладно, на хрен! Видишь пять звезд рядом с ней, кособокой буквой W?

Прищурившись на небо, я попыталась соединить точки линиями. Раньше я притворялась, будто вижу то же, что и Билли. Терпеть не могу, когда стараешься изо всех сил и все равно ничего не получается. Для меня это как разбирать шрифт Брайля, только из огоньков, горящих за миллиарды миллиардов миль от нас. Их слишком много – просто невыносимо, когда такое скопище таращится на тебя в ответ.

Чем старше я становлюсь, тем больше стараюсь. Билли разделяет звезды на картинки и истории, и различать их становится проще. Буква W нашлась одной из первых.

– Ага, знаю, – сказала я. – Похоже на кресло-качалку.

– Точно.

Я следила за его указательным пальцем, соединяющим звезды ровными прямыми линиями.

– Кресло Кассиопеи.

– Помню ее.

– Молодец. Вот про нее и расскажи.

– Билли, ты же знаешь эту историю.

– Но от тебя еще не слышал.

Я вздохнула, чтобы выиграть время. В голове постепенно начали собираться персонажи.

– Давай-давай, – поторопил Билли.

– В прошлой жизни Кассиопея была царицей – супругой Цефея, – начала я. – Он тоже там, наверху. Кассиопея была клевая. Красавица, типа, но ее считали странной. Вечно ходила с распущенными волосами и босиком, а люди такие все в шоке – все-таки царская особа. Она родила дочь Андромеду и научила ее самолюбию и самоуважению – по тем временам радикальная идея. Ее внутреннюю свободу принимали за надменность. Поговаривали, что эта хипповая царица расхаживает всюду босиком, любит себя и дочь учит тому же. Посейдону это не понравилось, он решил напомнить людям, кто тут главный, и наслал на царство ее мужа морское чудовище. Кассиопее сказали, что единственный способ спасти царство – это принести в жертву дочь, и царица согласилась. Она приковала Андромеду к скале на краю обрыва и оста-

вила умирать.

– Сука, – заметил Билли.

– Ну, у нее не было выбора. Иначе чудовище бы всех убило.

– Греки были долбаные придурки. Можно я угадаю, что случилось с Андромедой?

– Попробуй.

– Ее спас прекрасный принц?

– Разумеется.

Билли передал мне бутылку. Виски обожгло горло.

– Персей убил морское чудовище, возвращаясь после убийства Медузы, и Андромеде пришлось выйти за него замуж из вежливости, – сообщила я.

– Классика жанра. А что случилось с Кассиопеей?

Я показала на созвездие:

– Вон она, сидит в своем кресле-качалке. Посейдон привязал ее намертво, так что над Северным полюсом она кружит вверх ногами. Навсегда прикованная к креслу, она будет в нем крутиться до скончания мира.

– Господи Иисусе. Наверное, когда половину времени вишишь вверх тормашками, начинаешь видеть мир по-другому.

– У меня бы просто кружилась голова.

– Разве что поначалу, но потом ты бы привыкла.

– Спасибо, гравитация меня вполне устраивает.

– Значит, ты не против, если я спихну тебя с крыши? – Дядя толкнул меня так, что я вскрикнула и перекатилась на

другой бок вместе со спальником.

– Билли, придурок! Не смешно!

– А покачать именинницу?¹

– Прекрати, – сказала я, но на душе у меня стало радостно и тепло.

Я думала об этой истории и снова отхлебнула из бутылки. Уже первый глоток виски закружил меня в небесах.

¹ По британской и ирландской традиции в день рождения виновника торжества подбрасывают в воздух столько раз, сколько лет ему исполнилось, а напоследок резко опускают на землю. – *Здесь и далее, если не оговорено особо, – прим. пер.*

Пассажирка из пригорода

Сегодня первый день занятий, а я опоздала на поезд. Билли уверял, что я успею. Прежде чем подбросить меня на станцию, он слишком долго провозился с дойкой. И теперь я опаздывала. Сама точно не зная куда. Наверное, я спешила завести друзей. И беспокоилась, что к полудню всех хороших разберут. Начиналась ознакомительная неделя, а я видела фильмы про кампусы. Если мне суждено повстречать будущую лучшую подругу или возлюбленного, это непременно случится в первый день.

В Дублине я бывала только в декабре. Каждый год под Рождество Билли возил меня посмотреть на иллюминацию. Мое первое воспоминание о Дублине – как мы с Билли стоим на мосту О’Коннелла и дожидаемся автобуса домой. Мне тогда было лет пять-шесть. Когда тот наконец пришел, это было счастье – укрыться в нем от хлещущего дождя и ветра, выворачивающего зонтики. Билли постучал по окну водителя, показал ему десять евро, сложил купюру и, будто фокусник, попытался просунуть в щель для монет.

Водитель поглядел на него:

– И что прикажете с ней делать?

Билли вытащил купюру из щели и посторонился, давая расплатиться другим пассажирам.

– У тебя же наверняка полно мелочи, командир, – сказал

он, кивая на звонко падающие в щель монеты.

– Я похож на разменный автомат? – Водитель в упор смотрел на нас, пока Билли не отступил.

Мы вышли из автобуса назад под дождь и после этого всегда ездили на поезде.

С незнакомыми людьми Билли вел себя странно. Казался гораздо менее уверенным. А когда просил взять его за руку, то было непонятно, кому из нас это нужнее.

И все-таки мы нашли удобный способ путешествовать по городу. Годы слились все вместе в один-единственный: вот мы останавливаемся у главпочтамта, чтобы отдать дань уважения древнему герою Кухулину и парням, погибшим за независимость, переходим мост и идем по Дейм-стрит до булочной на Томас-стрит, чтобы купить у страшной женщины с мучнистым лицом сосиски в тесте по пятьдесят центов за штуку. Как-то раз Билли угостил сигаретой бездомного на набережной канала. Мы посидели с ним на скамейке и душевно поболтали, как прихожане у церковных ворот после мессы.

На Графтон-стрит мы глядели, как в витрине универмага «Браун Томас» марионетка грозит туфле молотком и гвоздем. Игрушечные поезда, пыхтя, кружили по заданным маршрутам. Билли спросил, кем я хочу стать, когда вырасту. Я показала на уличного артиста, раскрашенного под бронзовую статую, и сказала, что не отказалась бы стать одной из них, потому что их работа – радовать людей. Либо актрисой,

либо священником.

– Ну-ну, удачи, – с улыбкой сказал дядя.

Билли всегда хотел, чтобы я подала документы в Тринити-колледж:

– Только туда и стоит поступать. Хотя они и зазнайки.

Он показывал на высокие каменные стены и решетку с острыми зубьями у бокового входа со стороны Нассау-стрит, но внутрь мы никогда не заходили. По-моему, дядя не понимал, что колледж открыт для публики. Мне всегда казалось, что Тринити – это как Шоушенк наоборот: чтобы туда попасть, надо подкупить Моргана Фримена сигаретами и прорыть подкоп.

В прошлом году, когда школа возила нас на выставку высшего образования, на стенде Тринити стоял не Морган Фримен, а серолицая женщина в темно-синем брючном костюме. Женщина вручила мне брошюру, смерила взглядом мою поношенную школьную форму и сказала, что для того, чтобы поступить в Тринити, требуются незаурядные умственные способности. Она ошибалась. Никаких умственных способностей мне не потребовалось. Чтобы попасть в Тринити, не обязательно быть умной – достаточно простого упрямства.

* * *

В поезде я потеряла билет и заметила это только перед

турникетами на станции Коннолли. Пришлось подойти к будке с надписью «Справочная» и сообщить об этом мужчине за стеклянным окошком.

– На какой станции вы сели? – спросил он.

– В Мейноте.

– Сколько стоил билет?

– Не помню.

– Могу я взглянуть на ваши документы?

– У меня с собой ничего нет.

– Как тебя зовут, милая?

– Дебби. Мм, Дебора Уайт.

– Тебе есть восемнадцать?

– Да.

– Что ж, Дебора, с тебя штраф сто евро. – Мужчина показал на нижний угол окошка, где висело небольшое объявление с надписью «Штраф за безбилетный проезд», и сунул в окошко лист бумаги. Я пробежала его глазами: «...должен быть оплачен не позднее 21 дня... в случае неуплаты штрафа... взыскание в судебном порядке... может быть наложена пеня в размере до тысячи евро по решению суда».

– Я потеряла билет, – сказала я.

– Дорогуша, если бы ты купила билет, то запомнила бы, сколько он стоил.

– Но я правда не помню.

– Сомневаюсь. Покажи этот документ дежурному вон у того турникета, и он тебя выпустит.

* * *

Впервые я приехала в Дублин одна – и сразу в качестве преступницы.

* * *

Я поймала себя на том, что иду вслед за спешащей на работу женщиной. На ней кроссовки, юбка-карандаш и колготки, в одной руке стаканчик кофе, в другой – портфель. Она шагает так, словно пытается догнать остаток дня. Я держусь в нескольких шагах позади. Мы переходим широкий мост, который вибрирует от наших шагов и пружинит под ногами, будто пытаясь нас приободрить.

Только на О'Коннелл-стрит я набралась смелости спросить у полицейского, как пройти к Тринити. Он рассмеялся, а я покраснела, сама себя ненавижу. И пошла в указанном им направлении с решительным видом, как будто знала, куда иду.

Я помедлила у ограды перед главным входом, глядя, как люди входят и выходят через мышиный лаз, ведущий в колледж, и раздумывала, зачем вход сделали таким маленьким. Мне вспомнился жуткий эпизод из «Опры», который я нечаянно услышала в шесть лет. Дедушка был еще жив, и днев-

ные передачи были его слабостью. Пообедав в середине дня, он садился перед телевизором и смотрел либо «Опры», либо «Судью Джуди», либо «Слабое звено» с Энн Робинсон. В том выпуске «Опры» какой-то психолог с растрепанными волосами сказал, что, попадая в дверной проем, человек испытывает кратковременный провал в памяти. Зрительницы в зале ахнули и закивали, вспомнив, как часто, выйдя зачем-то из комнаты, останавливались как вкопанные и растерянно чесали в затылке.

Я отказывалась выходить из гостиной, в полной уверенности, что теперь, когда я знаю это свойство дверных проемов, они начисто сотрут мне память. Я цеплялась за кресло, зарывалась лицом в подушки, пиналась и кусала маму за ладони, когда она пыталась меня поднять. Вечером я сдалась, и мама потащила меня в кухню ужинать. Переступив порог, я задалась вопросом, скоро ли забуду, кто я такая.

Пожалуй, двери колледжа тоже способны на нечто подобное. Неважно, кто я. Стоит войти в них, и я изменюсь. Я к этому не готова. Казалось, я шла на собственные похороны.

На случай, если за мной наблюдают, я сделала вид, что кого-то жду, – поглядывала то на телефон, то на часы, то на диковинную вереницу студентов: андрогинный гранж, блейзеры в стиле преппи, обрезанные брюки капри, джемперы от «Аберкромби и Фитч», футболки от «Ральф Лорен», сумки-тоут, украшенные значками неведомых политических кампаний.

Вот с велосипеда слезает девушка в желтом дождевике. Велик винтажный, с плетеной корзиной впереди. Поразительно, как ей удается так здорово выглядеть в этом дождевике! Черные волосы. Челка. Веснушки. Пирсинг в носу. Вид у девушки был счастливый – радостное волнение, но ни малейшей растерянности.

На мне были мои лучшие джинсы и одна из дядиных клетчатых рубашек с закатанными рукавами. Я выглядела так, будто собралась копать картошку. Проводив девушку взглядом, – она исчезла в норе, ведущей на переднюю площадь, – я набрала в грудь воздуха и пошла следом.

* * *

Я стояла под растяжкой, провозглашающей неделю новичка, и страдала от всей этой новизны. Не знаю, на что я рассчитывала – видимо, на то, что желающим завести друзей выделяют специальный уголок. Обычно я не рискую заговорить с человеком, если не знаю его по имени, не знакома с его собакой и не видела его отца пьяным. Вокруг в палатках и шатрах толпились люди, которые, похоже, уже перезнакомились. Английский акцент отдавался от брусчатки. Я бродила, как застенчивый призрак, в ожидании, что кто-нибудь меня заметит.

– Привет!

– Господи.

– Извини, не хотел тебя пугать, – обратилось ко мне бородатое авокадо. – Я из Веганского общества, мы стремимся развеять мифы вокруг веганства. Давай сыграем в ассоциации. Допустим, я говорю «веган» – о чем ты думаешь в первую очередь?

– О Гитлере.

– Прошу прощения?

– Гитлер был веганом. По крайней мере, так говорят. Скорее всего, это пропаганда. Или брехня.

– Понятно, интересно. Ты по-прежнему ассоциируешь термин «веганство» с этим фактоидом, несмотря на то, что он давно опровергнут?

– Байки о Гитлере западают в память.

– Как думаешь, ты могла бы когда-нибудь стать веганкой?

– Не знаю. Я живу на молочной ферме.

– На молочных фермах младенцев отнимают у матерей, – то ли пошутил, то ли всерьез сообщил бородач. – Коров веками подвергали селекции ради человеческого потребления. Сегодняшние коровы – это чудовища Франкенштейна, все до единой.

– Но у Франкенштейна было только одно чудовище, – заметила я.

Он задумался и, похоже, пришел к некоему заключению.

– Вот именно, – сказал он, наставив на меня палец с таким видом, будто пересек финишную черту и выиграл спор.

– Как тебя зовут? – нерешительно спросила я.

– Рики.

– Рики, – повторила я. – Постараюсь запомнить.

– Неправда. – Кажется, Рики хотел сказать что-то еще, но не стал. – Выбирай веганство! – заключил он, вскинув кулак.

* * *

С деловитым видом я встала в конец какой-то очереди.

– Это очередь на регистрацию? – спросила меня девушка в желтом дождевике.

– Кажется, да.

– Здорово, мне как раз надо зарегистрироваться сегодня.

Ты с какого факультета?

– Английской литературы, – сказала я.

– Ой, здорово, я тоже. Ты в общаге?

– Что?

– Ты в общаге? Ну, в общежитии живешь?

– Нет, я живу дома. Примерно в часе езды.

– Ой, так ты на поезде добираться? И как оно? – Девушка расспрашивала меня с явной озабоченностью моим благополучием.

– Ну, я пока только один раз ездила.

– А, ну да, глупый вопрос. – Она ненадолго умолкла. –

Кстати, я Санта.

– Приятно познакомиться, Санта. Классное имя.

– Спасибо большое. Родители обожают греческую мифо-

логию.

– Ясно... – Я никогда не слышала ни об одной гречанке по имени Санта.

– А тебя как зовут?

Такие зеленые глаза, как у Санты, я видела только в музыкальных клипах.

– Дебби.

– Извини, просто... – Она засмеялась. – Ты только что показала на себя.

– Серьезно? Извини, я не привыкла сама представляться.

Санта была из Дублина, но говорила не так, как дублинские детишки из гэлтахтов². У тех выговор, будто у иностранцев. А у нее как у нормальной. Без выкрутасов. С ней наверняка что-то не так.

– Санта! – К нам подошла коренастая девушка в берете, дорогих очках и с коричневым кожаным портфелем.

– Приветик! Дебби, это моя соседка Орла. Она из Клэра.

– Приятно познакомиться! – Я крепко пожала девушке руку.

Любой другой провинциал – конкуренция мне. Места хватит только для одной лохушки из захолустья. Впрочем, волновалась я зря: произношение у Орлы оказалось как у членов королевской семьи.

– Что сегодня делаем? – спросила она Санту.

– Мне надо зарегистрироваться, – ответила та.

² Гэлтахты – районы, в которых в основном говорят по-ирландски.

– Здорово, мне тоже. – Орла достала из портфеля какую-то папку. – Кажется, у меня все с собой.

– Надо было что-то принести? – спохватилась я.

– У тебя что, нет бланков? – удивилась Орла.

– Каких бланков?

– Сперва нужно было зарегистрироваться онлайн. Тебе присылали имейл.

– Я его еще не видела, – ответила я. – У нас дома паршивый интернет.

– О боже. – Орла словно смутилась за меня. – Бесплезно стоять в очереди, если у тебя нет бланков.

Санта, склонив голову набок, глядела на меня, словно на прибившуюся к ней на двор бездомную собаку.

– Ничего страшного, можешь зарегистрироваться в любой день до конца недели, – наконец произнесла она. – Сейчас нам только выдадут презервативы и свистки от насильников.

– Интересно, парням тоже дадут свистки? – спросила Орла.

– Наверное, – ответила Санта. – Иначе получится сексизм.

– Не знаете, где можно найти компьютер? – спросила я.

– В библиотеке не смотрела? – Орла явно держала меня за идиотку.

– А, ну да, простите, – пробормотала я, с извинениями выбираясь из очереди.

– Тебе туда. – Орла показала в противоположную сторону.

– Спасибо.

Я притворилась, что иду в библиотеку, а сама открыла сумку и пересчитала мелочь – хватит ли на билет до дома.

Не Мод Гонн

Бросив сумку в кухне, я пошла напрямиком во двор. Билли я нашла в одном из стойл: он как раз собрался кормить новорожденную телку и сжимал в руках большую пластиковую поилку, из горлышка которой тянулась трубка. Заметив меня, дядя стал подкрадываться к жертве с преувеличенной осторожностью. Не успел он к ней прикоснуться, как та бросилась наутек.

– Иди сюда, поганец, – сказал он, хватая телку за хвост и притягивая к себе.

– Поганка, – поправила я. – Это девочка. И с коровами то же самое: ты вечно говоришь про них «сукин сын», хотя они дамы.

– В день, когда мне придется переживать о гендерной идентичности коров, я лягу на эвтаназию. – Дядя просунул пластиковую трубку в телкину глотку и поднял перевернутую бутылку у нее над головой. Молозиво медленно текло из бутылки в ее желудок. Интересно, чувствует ли она вкус?

– Вид у тебя как у мешком ударенной, – сказал Билли.

– Так и есть.

– Как все прошло?

Я покачала головой, ощущая, что краснею.

– Насколько плохо?

– Почему ты никогда не рассказывал, что бывают гречан-

ки по имени Санта? – спросила я.

– Чего?

– Я познакомилась с девушкой. Ее зовут Санта.

– Рад за нее.

– Я думала, ты знаешь их всех.

– Греков-то? Всю древнюю цивилизацию? Я польщен.

– А говоришь о них так, будто знаешь.

Билли подпер щеку языком, словно пытаюсь сложить что-то в уме.

– Ты злишься, что я не рассказываю того, что ты, насколько мне казалось, и без меня знаешь. Так?

– Нет, я злюсь, что ты рассуждаешь обо всем, как хозяин.

– Вот это обвинение.

Перепрыгнув через створки стойла, я села на солому, скрестив ноги.

– А потом, я говорю как лохушка.

– Вот-вот. Та девушка... Ее часом не Ксантой зовут? Ксан-та. Это греческое имя.

– Гребаный стыд! – Я упала в солому. Кровь прилила к голове. – А я ее все время называла как Санта-Клауса!

– Ну, теперь ты знаешь.

– Как я вообще столько прожила, ничего не зная?

– «Я знаю, что ничего не знаю». Сократ. Кстати, другим людям он тоже известен. Я не скрываю его от народа.

Я вертела в пальцах соломину. Если открыть и закрыть левый глаз, она превращается из двух размытых в одну чет-

кую.

– Ненавижу быть душой.

– Ты не дура. Лучше сказать, наивная.

– А это уже унизительно.

– Ничего унизительного тут нет. Наивный – отличное слово. Поищи его в словаре.

– Отстань!

– От латинского *nativus* – естественный, врожденный. Тот же корень, что у французского *naître* – рождаться. – Дядя вынул поилку у телки изо рта. Трубка волочилась по соломе, словно пуповина. – Мы все наивны. Ничего иного нам не остается.

– Ты, наверное, жутко устаешь от своего глубокомыслия.

– Я научил тебя всему, что знаю. – Билли с лязгом распахнул створки стойла.

– Кажется, в этом-то и проблема.

– Перекусить мне не сделаешь?

– А у меня есть выбор?

Я протянула руку, и он поднял меня с соломы. Возле коровника валялись тридохлых телят.

– Ничего странного не замечаешь? – спросил Билли, пнув среднего.

– Он мертвый?

Дядя перевернул телят миском ботинка.

– У него ноги из середины живота растут.

– Чернобыль какой-то... А с другими двумя что не так?

– Слишком крупные. Бык производит таких крупных телят, что девочки не могут их вытолкнуть. Я сделал все, что мог, но без потерь не обошлось.

– Ясно... – Я кивнула, пытаясь совладать с эмоциями. Можно подумать, понимание ситуации делает ее легче.

* * *

Я достала из холодильника ветчину, помидоры, масло и метнула на стол.

– Какая у тебя первая ассоциация на слово «веган»? – спросила я.

– Гитлер, – ответил Билли.

– У меня тоже.

– Хотя он вряд ли был веганом.

– Ага, знаю. – Я разрезала помидоры черри пополам. – Я не успела подать на учебную субсидию.

– Почему?

– У меня аллергия на реальность.

– Лечись. А если я попробую оплатить тебе учебу за этот год?

– Ты не можешь себе это позволить.

Дядя налил воды в чайник через носик.

– А ты не можешь позволить себе не ходить в колледж. Тебе надо отсюда выбраться.

– Я не готова.

– Что значит «не готова»? Ты должна прямо рваться в город!

– Ну а я не рвусь. У нас даже интернета нормального нет.

– С крыши моей колымаги сигнал толком не ловится, – объяснил Билли.

– А на ноутбук у меня нет денег.

– Так вот из-за чего весь сыр-бор? Ты не можешь ходить в колледж из-за нашего паршивого интернет-соединения?

– Не только, полно других причин. Например, кто будет присматривать за мамой?

– Не твоя забота.

– Это ты так думаешь, но кто-то же должен за ней приглядывать. Тебя я не считаю.

– По правде говоря, ты и сама не слишком здорово с этим справляешься. – Дядя уселся за стол. – С каких пор ты заделалась матерью Терезой? Ты ищешь предлог остаться, хотя должна бы рвать отсюда когти.

– Всего на год. Я могу взять академ – отложить учебу и вернуться в следующем году. И тогда уже сделать все как следует.

– Когда ни начинай, время всегда неподходящее.

– Неправда. Я хочу жить в городе.

– Погоди-ка. – Билли, вскинув ладонь, проглотил разом полсэндвича. – Давай проясним: ты вернулась пришибленная, проведя там каких-то несколько часов, а теперь хочешь туда переехать?

– Я подам заявку на место в общежитии.

– В городе, который только что напугал тебя до усрачки?

– За год я накоплю. Ты не обязан платить мне столько же, сколько Джеймсу.

– Не бойся, я плачу ему куда меньше, чем следует, за всю его работу по хозяйству, не говоря уже о том, сколько он нянчится с твоей матерью. Все это он делает на общественных началах.

– Просто плати мне достаточно, чтобы в следующем году я смогла съехать.

– И просадить все сбережения на съемную конуру в городе?

– Все так делают.

Облизнув указательные пальцы, дядя, как ребенок, принялся подбирать ими со стола крошки черного хлеба.

– Поглядим, может, куплю тебе трейлер.

– Это значит «да»? – спрашиваю я.

– Это не значит ровным счетом ни фига.

– В любом случае я не вернусь. Не могу.

– Можешь и вернешься.

– Ты меня не заставишь.

– Господи, Дебс, сама-то себя послушай. Ты хоть понимаешь, что кочевряжишься, как избалованная девчонка? Провела денек в Дублине – и нате.

Я запрокинула голову, пытаюсь сдержать слезы. Они у меня всегда близко лежат. От ненависти к себе плакать хочется

еще больше. Я всхлипнула.

Билли вздохнул, смущенный:

– Да брось, этого только не хватало. Выше нос, снежинка!

– *Не называй меня так.*

– Не называй меня так, – передразнил он.

– Ты как малый ребенок, – огрызнулась я, но прием сработал: плакать я перестала. Я вытерла слезы рукавами рубашки.

– Дебс. – Дядя дождался, пока я подниму на него глаза. – Ты боишься Дублина. Не позволяй страху тебя остановить. Узнай город получше.

– Ты понимаешь, что в городе я знаю только казармы Коллинза и главпочтамт, куда таскалась с тобой на пару?

– Я пытался тебя радикализировать. Ты ведь у нас не Мод Гонн.

– Так и она была не бог весть что. Муза ирландской революции родом из Англии. – Я обмакнула в чай печенье с инжиром. – Ничего себе поворот!

– Ее отец – из графства Мейо, а в Англии она родилась не по своей вине. И как бы то ни было, от наивности она избавилась.

Размякшее печенье едва не упало в чай, но я успела поймать его ртом.

– Она позволила себя мифологизировать.

– Разве это плохо?

– По-моему, да.

Билли встал и в одних носках скользнул к задней двери.

– Ты отправляешься в колледж в этом году. Если мне придется взять расходы на себя, так тому и быть. – Он нагнулся надеть ботинки. – Учись водить, а с интернетом я разберусь, – сказал он и хлопнул дверью.

Сирша

Наш дом прячется в ложбине у подножия холма. Именуемого Холмом Часовщика в честь мужчины, который живет в одноэтажном доме на его вершине. Я не знаю ни его настоящего имени, ни почему его прозвали Часовщиком. Каждый день Часовщик проезжал на велике мимо наших ворот по пути в магазин за газетой. Никогда не здоровался, пахло от него старым торфом, и он единственный из всех моих знакомых курил трубку. Иногда, когда мы перегоняли стадо, Джеймс просил его постоять в воротах, и тогда я чувствовала себя обязанной с ним разговаривать, потому что он старый и одинокий. Он был немногословен, но иногда пытался угадать мой возраст. Всякий раз он ошибался в меньшую сторону и, когда я давала себе труд его поправить, смотрел с недоверием.

Лука по обеим сторонам дороги, спускающейся от дома Часовщика в деревню, пестрели от наших коров. Над кронами деревьев высился церковный шпиль. Живые изгороди были подстрижены, чтобы не загоразживать пейзаж, открывавшийся между стволами двух дубов. В складке холма напротив нашего дома знак с ирландской надписью «Добро пожаловать!» приветствовал всех проезжающих нашу деревню.

Раньше на ограде возле наших ворот висела деревянная

табличка. Билли вырезал ее мне в подарок на седьмой день рождения. Я очень хотела лошадь, но мама не разрешила. Вместо этого мне позволили дать имя нашему дому, что не было никаким подарком, но Билли сумел превратить в дорогой подарок то, что не стоило ни гроша. Я назвала дом так же, как собиралась назвать лошадку – Сирша, «свобода», в честь той свободы, которую мечтала ощутить, пустив лошадь галопом с холма к нам во двор.

Имя продержалось несколько месяцев, пока посреди ночи в наш сад не влетела чужая машина. Она была синяя, с поднятым спойлером, который перелетел через нашу живую изгородь, отскочив при ударе об ограду. Машина слишком быстро гнала вниз с холма; на покрытом черным льдом участке поворота ее занесло, завертело и отбросило прямо на табличку с надписью «Сирша». Погиб девятнадцатилетний парень. Иногда в годовщину его смерти родные оставляли у нашей ограды букет белых лилий. Мы смотрели, как они увядают, завернутые в грязный пластик.

В ночь той аварии мне приснился сон. В нем я была парнем и сидела за рулем. Сам сон я почти забыла, но помню, как он закончился. Я до последней секунды не видела крутой поворот у подножия холма, резко затормозила, ощутила под шинами лед – вращаться было даже приятно. В голове пронеслась прекрасная мысль. Мир закружил меня, как женщина вдруг заставляет тебя сделать оборот на танцполе, и ты чувствуешь себя немного глупо, немного немужественно, –

но это не важно, это всего-навсего шалость и ты наверняка ей нравишься...

По словам мамы, я проснулась с криком прежде, чем мы услышали, как машина врезалась в ограду. Я была безутешна. Парень погиб по моей вине. Он ворвался ко мне в голову, и я помешала ему попасть в рай. Его разорвало на куски, убило вместе с машиной, обломки которой мы не переставали обнаруживать в саду. Я постоянно ревела, выла у себя в постели. Мама изо всех сил старалась меня успокоить.

Я начала ходить по ночам в трейлер. Однажды у Билли лопнуло терпение. Я сказала ему, что не могу уснуть, потому что тот парень остался у меня внутри. Дядя так сильно шлепнул меня по лицу, что я до сих пор не уверена, что это случилось на самом деле.

– Эта авария не имеет к тебе никакого отношения!.. – закричал он, а потом, закрыв лицо руками, сказал, что зол не на меня. Билли злился на мою мать.

Табличку с надписью «Сирша» мы так и не заменили. Билли о ней забыл, а я не решалась ему напомнить. Иногда по ночам мне до сих пор не спится от страха, что следующая машина, следующий призрак вот-вот потерпит крушение у нас в саду по пути к забвению.

Шлюхины ожоги

Выглянув из кухонного окна, я увидела на заднем дворе мать. Совершенно голая, она танцевала в зарослях крапивы. Стебли тянулись к ее груди, будто пальмовые листья в руках благоговейной толпы. Мамин позвоночник изгибался, и то одно плечо, то другое точно целовало ее под подбородок. Ладони описывали полукружья, словно она брела в воде. Казалось, крапива совсем ее не жалит, но тут мама показалась из зарослей, и я увидела, что все ее тело точно ошпарено.

К тому времени, как мужчины пришли на обед, она успела расчесать ожоги до крови. Билли сделал вид, что не заметил. Однажды, напившись, он назвал их шлюхиными ожогами.

Когда мама подала тарелку Джеймсу, он протянул руку и погладил красную сыпь с белыми волдырями, покрывающую ее кожу.

– Что с тобой случилось? – спросил он.

– Немного обожглась крапивой.

– Немного? Ты вся в ожогах. Ты что, упала в заросли?

– Нет, прыгнула.

– Что?

Мама заверила его, что обожглась нарочно.

– Чего ради тебе это понадобилось?

– Крапива содержит серотонин. Поэтому она и жжется: ее шипы, словно природные шприцы, вкалывают людям хими-

кат счастья. Это полезно.

– Неужели?

– Да.

Поразмыслив мгновение, Джеймс кивнул:

– Ясно.

– С тобой, Мейв, Джимбоб рад будет нырнуть в крапиву головой вперед, – сообщил Билли, сосредоточенно обдирая шелуху с картофелины.

– Ну, я бы так не сказал.

– Если хочется наркоты, есть способы получше, – продолжал Билли.

– Помни про закон двух «Б»: блаженство и боль. Не зря их увязывают друг с другом, – напомнил Джеймс.

– Только в его случае это закон двух «П»: пьянство и похмелье, – добавила мама.

Шутка была не слишком смешная, но Джеймс захохотал так, что затрясся стол.

– Как всем нам известно, видов алкашей столько же, сколько звезд на небе. К счастью, я отношусь к общительным алкашам. Некоторым хватает серотонина, чтобы сидеть по домам и накачиваться вином прямо в кровати...

– Господи, Билли, расслабься! Это просто шутка, – сказал Джеймс.

– Ну, в любой шутке есть доля шутки.

И так каждый день. Мама с Джеймсом против нас с Билли. Состав команд определялся еще до того, как мы сели за



У меня никогда не укладывалось в голове, что меня родила моя мать. Куда правдоподобнее казалось, что я возникла из навозной жижи, такая адская Венера, или вылезла из коровьей задницы. Я бы поняла, если бы моим папашей оказался Джеймс, потому что он любил маму, но, когда я родилась, ему было всего шесть лет. Джеймса зашили в рабочий комбинезон, как только он появился на свет в безземельной семье. В свои шестнадцать он подавал пиво в пабе своей матери, когда скончался мой дедушка. Билли позвал Джеймса к нам работать, и он оказался подарком судьбы, готовым доить коров, чинить заборы и принимать отел в любое время дня и ночи. Да и мама, убитая горем после смерти своего отца, оживлялась при его появлении.

Джеймс был старше меня всего на шесть лет. Он стал первым мужчиной, чье лицо я воображала, целуя по ночам подушку. Утром, когда он приходил завтракать, я предпринимала вялые попытки от него спрятаться. Укромных мест у нас в кухне было немного. Когда я куталась в шторы, снизу торчали ноги; изо дня в день залезать под стол, стараясь не задеть ноги Джеймса и взвизгивая всякий раз, как большая волосатая рука опускалась, чтобы меня схватить, тоже было нельзя. Как-то раз я спряталась за вешалкой-стойкой в зад-

ней прихожей, но это оказалось слишком далеко от кухни, и Джеймс забыл меня найти.

Я любила Джеймса, как любят диснеевских принцев, и привыкла отделять свои фантазии о нем от реальности. Слухи вокруг моей матери его нисколько не беспокоили. Ему было плевать на шепотки и перемигивания в пабе, когда перед закрытием он уходил с ней домой, чтобы провести ночь в ее постели.

Разница в возрасте между ними не бросалась в глаза, потому что мама для своего возраста выглядела молодо, а Джеймс казался старше своих лет. Билли говорил, что Джеймс прошел пубертат за полдня. Это правда. В одно мгновение он из мальчишки превратился во взрослого мужчину в шесть футов и семь дюймов ростом. Джеймс был капитаном местной команды по херлингу. Мы ходили на все его игры и смотрели, как мячик падает с неба в его протянутую ладонь, словно дар самого Бога.

* * *

Я никогда не знала, кем был мой отец, но, кажется, знаю, где меня зачали. На одном из наших полей располагается коридорная гробница каменного века с табличкой, предупреждающей, что это национальный памятник, находящийся под защитой государства, и порча земельного участка карается законом. Подростки ходят туда пить пиво. По пути

к полю стоит указатель с надписью: «Ключ можно получить у мистера Уильяма Уайта. Поверните налево на перекрестке, обращайтесь в первый трейлер слева». Местный краевед, Билли время от времени проводит для любителей археологии экскурсии по кургану. Он официальный хранитель ключей и частенько оставляет ворота открытыми.

Две каменные ступени со стороны дороги отмечают вход на объект и тропинку к самому кургану, отгороженному от остального поля забором. Из земли поднимается аккуратный травяной купол. В коридорную гробницу ведет тяжелая железная дверь. Древний могильник оживляют смятые пивные банки, а порой – упаковки от презервативов. На священных камнях вытравлены имена, усердно процарапанные флопы «ОТСОСИ» соседствуют с мегалитическими зигзагами и спиральными надписями.

Название памятника, Форнокс, происходит от ирландских слов *fuair*, то есть «холодный», и *snoic* – «холмы». Мать стала частью форнокского фольклора. Летом тысяча девятьсот девяностого года парни ходили туда, чтобы расстаться с невинностью. У мамы было единственное условие – она ни с кем не желала заниматься сексом больше раза. При мне никто об этом не упоминал, но все знали, что я знаю. Мне рассказал Билли – местный краевед.

Табернакль

Большую часть жизни моя мать провела во сне. Утренние часы лежали за гранью ее бытия. Ее будильник звонил в полдень, играя на повторе «В центре города» Петулы Кларк. Она просыпалась вовремя, чтобы приготовить обед – мужчины обедали в два. После обеда мама возвращалась в постель. Но сегодня было воскресенье – единственный день в неделе, когда ей следовало проснуться пораньше, чтобы успеть к десяти утра на мессу.

Я просунула в скважину лезвие ножа для масла и провернула его в замке до щелчка. Дверь, скрипя, открылась. По дому разнесся голос Петулы Кларк. Выключив будильник, я смотрела, как мама со стоном возвращается в реальность.

– Доброе утро, – сказала я.

– Доброе утро.

– Принести тебе кофе?

– Да, пожалуйста.

По опыту я знала: лучший способ не дать маме заснуть снова – это сделать ей кофе. Когда я вернулась с кружкой «Максвелл Хауса», она сидела за письменным столом, кутаясь в свой писательский плед.

За столом мама записывала в старую школьную тетрадь свои сны. Писала она только синими ручками и расстраивалась, если их не было рядом. Книгу своих снов мама начала писать еще до моего рождения. Она называла себя писательницей, хотя ее произведения никогда не публиковались. Посылать их в журналы или на конкурсы ей не хотелось, и, пожалуй, это было к лучшему.

Мы называли мамину спальню Табернаклем, потому что ее дверь, выкрашенная золотой краской, запиралась на такой же ключ, каким пользуется священник во время мессы. Рухни хоть весь мир, мама бы нисколько не встревожилась – главное, чтобы у нее оставалось личное пространство. Табернакль напоминал то ли арт-инсталляцию, то ли гримерку экспериментального театра. Иногда я вскрывала дверь, пока мама спит, просто чтобы взглянуть на эту комнату.

Заходя в нее, ты словно попадал в книгу-раскладушку. Мама вырывала страницы из книг и приклеивала на стены своей спальни. Сотни бумажных страниц составляли коллаж из поэм, романов и философских трактатов, посвященных единственной теме – снам. Она наклеивала их вплотную, будто сверяя улики.

Страницы скреплял малярный скотч. Приятно бывало отклеивать их друг от друга: они отлеплялись с чмоканьем и

некоторым сопротивлением. Отверни уголок бумаги – найдешь под ней очередной слой снов. Потяни за титульный лист одного из ноктюрнов Джона Филда – и со стены грохнется целый манускрипт.

С потолка на косах из волос свисал мобиль из жестянок с выцарапанными на них спиралями. Жестянки сверкали небесным блеском. Казалось, что от прикосновения они зазвенят, но они издавали только нудное дребезжание, будто прекрасная женщина с противным голосом.

Под кроватью, рядом с ящиком мини-бутылочек белого вина, которые Джеймс регулярно таскал для мамы из своего семейного паба, стояла выцветшая коробка из-под печенья, полная открыток и репродукций, вырезанных из художественных журналов. На подоконнике лежал маленький синий череп из лазурита. На комод в ногах кровати стояла темно-синяя лампа, похожая на толстую даму в широкополой шляпе. Свет лампы отбрасывал на стену мамину тень – ее удлинённый силуэт тянулся обнять близкое и недостижимое спящее тело.

Выходить из дома мама решалась редко, разве что на мессу, в супермаркет или в отдел соцобеспечения. Билли следил, чтобы она еженедельно получала пособие, он называл его маминым грантом на занятие искусством. Он вел ее банковский счет. Мы на горьком опыте убедились, что, если дать маме доступ к деньгам, будет полный финиш. Раз в неделю Билли отвозил ее в магазин и сидел в машине, пока она ходи-

ла за продуктами. Иногда она возвращалась с пустыми руками, не считая пончика и смузи, и дяде приходилось отправлять ее обратно.

Нормальной она старалась быть только во время мессы. Дедушка был очень верующим. Пока он был жив, мы каждый вечер вставали на колени в гостиной и читали розарий. А еще он был ужасно гордый и любил, чтобы в церкви его семья выглядела прилично, поэтому вера у мамы стала ассоциироваться с элегантностью. Она с вечера выбирала наряд для утренней мессы, а утром принимала душ и тратила на сборы не меньше полутора часов.

Перед душем мама босиком выходила в сад и осторожно, неторопливо шагала по траве, будто по сцене, потом закрывала глаза, опускала руки вдоль тела и долго, медленно дышала полной грудью, вдыхая свежие запахи реальности и выдыхая собственную тайну.

Эшлинг

Раньше я спала в Табернакле вместе с мамой. После девятичасовых новостей дедушка отправлял нас в постель. Мы переодевались в пижамы и чистили зубы. Я не доставала до раковины и сплевывала пасту в унитаз.

Накрыв мамину голову одеялами, мы устраивали в кровати палатку. Мама читала мне «Алису в Стране чудес» по книжке-раскладушке. Я обожала Алису. Белый фартук, повязанный поверх голубого платья, подчеркивал ее тонкую талию. Мой палец, которым я показывала на нарисованную Алису, был толще ее. Она походила на диснеевскую принцессу.

Когда Алиса замечала Белого кролика, мама изображала пальцами длинные уши, и на стену падала кроличья тень. Она трепетала в свете лампы, будто в волшебном луче старого кинопроектора. Меньше всего мне нравилась последняя страница, на которой приключение кончается и Алиса просыпается на берегу реки рядом с сестрой. Я ободрала страницу, так что под ней показался картон.

Читая «Алису», мама непременно отклонялась от курса. Обычно когда доходила до Алисиных тревог: «Может, это я изменилась за ночь? Дайте-ка вспомнить; сегодня утром, когда я встала, я это была или не я. Кажется, уже не совсем

я! Но если это так, то кто же я в таком случае?»³

– Алиса перестала быть собой, потому что она исчезла, – объясняла мама. – Упав в кроличью нору и оказавшись в Стране чудес, она выпала из себя. Такое случается со всеми нами. Засыпая, мы выпадаем из себя.

Я никак не могла понять, хорошо это или плохо. Когда мама описывала свои сны, я чувствовала себя так, будто пытаюсь уследить за пальцем Билли, когда он показывает мне звезды.

– Это пояс Ориона, – говорил он, и я благоговейно поднимала взгляд к небу, ничего не видя, но размышляя над выражением «пояс Ориона». Мне никогда не удавалось различить ни Орион, ни его пояс, но хватало самой их загадки. Так было даже лучше.

Загадки сновидений мне тоже вполне хватало. Я пыталась следовать маминой логике, но она отпускала мою ладонь на полпути.

* * *

Перед сном мама рассказывала мне сказку о пылинке по имени Эшлинг, которая не верила в снег. Каждую ночь, когда Эшлинг засыпала, холодная вода превращала ее в снежинку. Когда наступало утро и выходило солнце, Эшлинг от-

³ Пер. Н. М. Демуровой.

таивала и снова становилась пылинкой, совершенно забыв собственные перевоплощения. Только на сердце ощущался какой-то холодок, но воспоминание было застывшее и замороженное. Она отмахивалась от него, считая, что это ей просто приснилось.

Закончив сказку, мама бросалась в кладовку, где стоял морозильник. Я в одной пижаме бежала за ней вниз, шлепая по линолеуму босыми ногами. Дверца морозилки поднималась, из камеры, туманясь, поднимался пар. Мы ногтями соскребали со стенок снег. Рассмотреть снежинки, сказала мама, невозможно без микроскопа, пусть даже они у нас под самым носом.

– Так же, как Билли нужен телескоп, чтобы смотреть на звезды? – переспросила я.

– Да, – ответила она. – Только наоборот. Телескоп позволяет разглядеть далекое, приближая его к нам. А микроскоп – рассмотреть то, что мы плохо видим, потому что находимся слишком близко. Он создает дистанцию. Перспективу.

– А если бы у Эшлинг был микроскоп, она бы поверила в снег? – спросила я.

Мама задумалась, а потом рассказала мне другую историю, о первом человеке, который сфотографировал снежинки.

– Его прозвали Снежинкой. Он ловил снежинки на черный бархат и фотографировал их, прикрепив микроскоп к объективу камеры. Это позволяло запечатлеть структуру

снежных кристаллов, прежде чем они растают. Но фотография и реальность не одно и то же, – сказала мама и очень серьезно добавила: – Поймать снежинку невозможно. И я еще не встречала никого, кто сумел бы поймать сон.

Девушка с глянцевой обложки

Я могла провести в городе целый день, не перемолвившись ни с кем ни словом. Часто скрывалась то в поезде, то в гуманитарном корпусе, то на дублинских улицах. На лекциях сидела одна. Даже кофе покупала в автомате, лишь бы избежать общения с людьми. После безуспешных попыток завести друзей в первые пару дней я приняла решение не разговаривать ни с одной живой душой, и стало полегче.

Мне постоянно хотелось писать, и я по полдня искала туалет, чтобы посидеть и передохнуть. Там я могла подзарядиться, выплакаться и собраться ровно настолько, чтобы хоть выглядеть цельной. От рюкзака болели плечи. Сбрызгивая дезодорантом липкие потные подмышки и ложбинку между грудей, я читала граффити на стенах кабинки. В большинстве своем – анонимные крики о помощи. И ощущала груз ответственности. Каракули на держателе для туалетной бумаги угрожали самоубийством. Имелись и другие, менее отчаянные раздумья: «Мне не нравится секс – это норм?» Ниже кто-то откликнулся: «Сожми шейку матки и расслабься, подруга!» Интересно, как такое возможно.

На выходе из туалета я врезалась во входившую девушку. – Извини! – весело бросила она и неуклюже протиснулась мимо меня.

Сила столкновения меня напугала. Заставила ощутить

собственную непрочность, будто меня можно запросто вышибить из своего тела в ее.

– Дебби, подожди!

Это оказалась Ксанта. Без желтого дождевика я ее не узнала.

– Привет!

– Попьем кофе?

– Прямо сейчас?

– Если, конечно, тебе удобно.

– Эм, давай...

– Здорово, я только схожу пописать.

* * *

Ксанта появилась из туалета красивая, как в рекламе духов. Широкие брюки, синий вязаный джемпер и плоская кепка, которая, хоть и выглядела так, словно ее позаимствовали из трейлера Билли, но каким-то образом объединяла весь образ.

– Ну что, каково каждый день мотаться в город? – спросила она, когда мы влились в толпу, спускающуюся по лестнице.

– Супер, – говорю я.

– Сколько тебе добираться до Дублина?

– Поездом – минут сорок. Но от нас до станции еще двадцать минут на машине, так что всего получается примерно

час.

– Выходит, ты из настоящей глубинки?

– Ага. Я живу на ферме.

– Потрясно! А какие у вас животные?

– Только коровы. Это молочная ферма. Она принадлежит моему дяде.

– А ты сама на ней помогаешь?

– Сегодня утром доила.

– Да ладно! Это долго?

– Часа полтора.

– И ты сама их доишь?

– Да, но за мной приглядывал Джеймс, пока чистил коровники.

– Джеймс – это твой дядя?

– Нет, Джеймс просто работает на ферме. Дядя наверняка еще из постели не вылезал. Вчера вечером он бухал.

– Ха-ха, бухал во вторник?

– У него это каждый вечер.

Вслед за Ксантой я вышла через боковую дверь, которой раньше не замечала. Мимо пролетела скорая. Я уже собралась перейти улицу, но Ксанта так и стояла на тротуаре, глядя на меня.

– В чем дело?

– Ты только что перекрестилась?

Я почувствовала, что краснею.

– Ну да. Такая у меня привычка.

– Какая милота!

Захотелось послать ее куда подальше.

– Извини, получилось как будто свысока, – спохватилась она.

– Все в порядке.

– Я имела в виду, это хорошая привычка.

– Вообще-то я не то чтобы верующая.

– Я знаю. То есть не знаю. Все, молчу.

* * *

Мы пошли в кафе через дорогу. Внутри было столько студентов и туристов, что запотели окна. Кофемашина тархтела, как целая стройплощадка.

– Пойду займу нам столик! – крикнула Ксанта.

Я не могла понять, где начинается очередь.

– Вы стоите? – спросила меня какая-то женщина.

– Нет, извините, – ответила я и отошла в сторону.

– Я заняла нам место вон там, – сообщила Ксанта мне на ухо.

– Отлично, спасибо. Ты знаешь, что ты будешь? Хочешь, заказывай первая.

Заказ еды – это пытка. Я умирала от голода. Хотелось взять обед, но это было слишком дорого. Ксанта заказала травяной чай, поэтому я тоже взяла чай и шоколадный торт. Извинившись перед девушкой за кассой за то, что у меня нет

карты постоянного посетителя.

* * *

Я пододвинула кусок торта Ксанте.

– Хочешь пополам?

– Нет, спасибо.

– Серьезно, помоги мне его съесть.

– Не могу, у меня аллергия на орехи.

– Ясно...

– Ну да. Раньше я была из тех, кто не верит в аллергии. Думала, аллергии – для слабаков. Оказалось, я сама слабачка.

– А мята тебе нравится? – спросила я, показывая на ее чай.

– Вообще-то нет.

– Зачем ты тогда это заказала?

– Вот пытаюсь полюбить травяной чай, он типа полезный.

– Травяной чай напоминает мне духи из маргариток, я делала их в детстве. Давила цветы и разводила водой. Даже тогда мне хватало мозгов их не пить.

– Ну, теперь я не жалею, что потратила на это пятерку.

– Ты прикалываешься?

Ксанта показала на меловую доску над прилавком.

– Грабеж среди бела дня, – сказала я.

За час разговоров я успеваю выложить Ксанте всю свою биографию.

– Твоя мама встречается с двадцатичетырехлетним парнем?

– Ага.

– А ей сколько?

– Тридцать шесть. Она родила меня в восемнадцать.

– Ух ты. Так у тебя, наверное, и папа молодой?

– Она никогда никому не говорила, кто мой папа.

– Даже тебе?

Я покачала головой:

– Если честно, по-моему, она и сама не знает.

– Кажется, она потрясная. Когда будешь выходить замуж, тебя ждет «Мамма миа!» по-деревенски.

Ксанта злоупотребляла словом «потрясный». О себе предпочитала не говорить. Единственное, что мне о ней было известно, – это что у нее аллергия на орехи.

– Что у тебя с пальцами? – спросила она, словно почувствовав, что я вот-вот подловлю ее на игре в вопросы.

Я вытянула левую руку:

– Несчастный случай в детстве. Дверью прищемила.

Каждую весну мама собирала камыш в поле рядом с нашим и плела кресты святой Бригитты для всего прихода. В конце января она приносила на мессу корзину, полную крестов, и священник благодарил ее у алтаря.

Когда мне было семь лет, я попыталась ей помочь. Поле, где рос камыш, называли болотом, – детское, промежуточное место, где мои сапоги хлюпали и было непонятно, суша вокруг или уже озеро. Я воображала, что под тиной, за кустами камышей, лежат бегемоты.

Мама срезала стебли ножницами, связывала в снопы и складывала в джутовый мешок. Я семенила за ней, пытаюсь рвать камыши, но они упрямо цеплялись корнями. Обычно чем больше я старалась угодить маме, тем больше она выходила из себя, но в тот раз она терпела меня, потому что неподалеку дедушка переносил изгородь. Когда я спросила, можно ли ей помочь, она разрешила мне тащить за ней мешок с камышами.

Набрав тростника, мы вернулись в дом. Я изо всех сил старалась не шуметь, но ее раздражало даже мое молчание.

– Дебби, иди поиграй на свежем воздухе.

– Но я хочу помочь.

– Мне не нужна помощь.

– Пожалуйста, мамочка, я буду очень стараться.

– Мне сейчас некогда тебя учить.

– Я уже умею, мы плели их в школе из синельной проволоки. – Я победно улыбнулась.

Мама взяла камыши со стола и пошла к себе в комнату, прижимая их к груди, будто младенца.

– Мамочка, пожалуйста, я хочу помочь. – Я расплакалась, и она бросилась бежать. Я кинулась за ней по коридору, вытянула руку, чтобы не дать ей закрыть дверь, но мама резко ее захлопнула. Черная боль пронзила мне ладонь.

* * *

В тот день я потеряла кончики среднего и безымянного пальцев на левой руке. Билли отвез меня в больницу. Когда мы вернулись домой, мама вела себя как ни в чем не бывало, но приготовила мне чашку чая. Позже, когда я заснула, она сунула мне под подушку письмо. В нем она как бы извинялась, но на самом деле объясняла, что все произошло по моей вине.

В воскресенье мама отнесла кресты святой Бригитты на мессу, и священник поблагодарил ее у алтаря. Выходя из церкви, люди забирали с собой по кресту и вешали их над дверями домов как оберег от порчи.

СНЫ ВОДЫ

Мама уломала Джеймса отвезти нас на пляж. Было ветрено и дождливо – в самый раз для уток. Маме и в голову бы не пришло отправиться туда в солнечный денек. Чем он ненастней, тем больше ее тянет поплавать в море. Молнии Зевса наводят ее на мысль искупаться, громовые раскаты только раззадоривают. Погода оказалась в самый раз – достаточно бурная, чтобы маме захотелось на пляж, и достаточно спокойная, чтобы Джеймс согласился ее отвезти.

– Поверни налево. Налево!.. – сказала мама, включая за Джеймса поворотник.

– В смысле, на твое лево? То есть направо?

– Нет же, налево!

– Хочешь пересесть за руль, Мейв?

Мама сбросила с колена ладонь Джеймса. Оба были не в духе. Мама и Джеймс ругались только по одной причине – из-за Вайолет. Вайолет – это фиолетовая «Тойота-Старлет» девяносто восьмого года. Однажды Билли ездил повидаться с одним человеком насчет собаки, а вернулся с Вайолет. Мама молилась за нее каждый год перед техосмотром. Всякий раз машина каким-то чудом умудрялась его пройти, и Джеймс возвращался домой со свидетельством, похлопывая ее по капоту и сияя, будто гордый отец. Маме Вайолет нравилась. Ей просто не нравилось ее водить.

Джейкоб, пес Джеймса, и тот водил лучше мамы. Пока Джеймс вел машину, Джейкоб сидел у него на коленях и радостно пыхтел, свесив язык и высунув голову в окно. Феерический идиот! Предполагалось, что он овчарка. Пока он был щенком, Джеймс только и говорил о том, какой из Джейкоба вырастет умный пес, но тот становился только толще и ленивей. Будь Джейкоб человеком, он стал бы манекенщиком – ну, из тех, кому все само падает в руки. Неправильное питание и недостаток физической активности ничуть не лишали его привлекательности. У него были хорошие гены. Что-то явно от хаски, и шерсть густая и блестящая, черно-белая с бурыми подпалинами. Вдобавок – огромные золотые глаза.

Но, господи, лажал он просто колоссально. Однажды посреди ночи согнал коров с поля, перепугав их настолько, что они сломали две электроизгороди, вытоптали кладбище и загадили надгробия и цветы. Когда Билли той ночью разбудил меня и сказал, что коровы ворвались на кладбище, я вообразила, как телки протискиваются в калитку, сконфуженно выпучив глаза, будто дородные дамы, застрявшие задницей в турникете. Но попробовали бы вы сказать о Джейкобе хоть одно дурное слово при Джеймсе. Он защищал пса почти так же горячо, как маму.

Джеймс учил маму водить, сколько я себя помню. Теоретически мама водить умела. Она разбиралась в машинах, как некоторые разбираются в мировых войнах: умела поддерживать о них отвлеченный разговор, но вовсе не стреми-

лась применить свои знания на практике. Стоило поднять капот, и она сообщила бы вам название и предназначение каждой детали. Но от просьбы включить зажигание впадала в столбняк и переходила в глухую оборону. Джеймс называл это иррациональным страхом. Мама считала свой страх обоснованным. Время от времени между ними повторялся один и тот же спор.

– Мейв, если тебя так раздражает моя манера езды, почему бы самой не сесть за руль?

– Тебе не понять.

– Почему я могу водить машину, а ты не можешь?

– Ты видишь границы между вещами, а я нет. Я смотрю сквозь лобовое стекло и не вижу границ, отделяющих один предмет от другого. У меня в голове все сливается.

* * *

Мама садилась за руль только однажды: как-то она прикатила на машине на мессу. Ехать было всего двести метров, но для нее это стало достижением. Мама припарковалась перед церковью и заключила Джеймса в крепкие объятия. Он поцеловал ее в макушку.

После мессы, сворачивая к нашим воротам, мама не вписалась в поворот и врезалась в ограду в том же самом месте, где погиб тот девятнадцатилетний парень. Вайолет мы отвезли к механику, и она оклемалась, но мама с тех пор так и не

оправилась. После этого Джеймс перестал давать ей уроки вождения.

* * *

При заезде на парковку сердце у меня уходило в пятки. Пляж напрягал до тошноты. Песчинки между пальцев ног – страшно даже представить. Зато мама обожала валяться на песке и обсыпать им себя сверху. Через несколько дней после этой поездки на пляж она засунула руку в трусы и улыбнулась, обнаружив песок между ягодиц.

Мамину страсть к песку между ягодиц превосходила лишь ее любовь к морю. Мама щебетала, как потрясающе, что наше тело способно приспособиться к температуре океана. Едва волна окатит ступни, как ее легкие просыпаются. Входя в воду, она перечисляла названия слоев океана: «Солнечная зона, сумеречная зона, полуночная зона, бездна... – И, прежде чем окунуться с головой, шептала: – Хадальная зона, Аид, царство зимней владычицы Персефоны».

* * *

Мама говорила, что любит плавать в море, но на самом деле она никогда не плавала – не умела. Просто стояла в воде. В прошлом году Джеймс сглупил, подарив ей на Рожде-

ство уроки плавания. Ему не удалось скрыть разочарования, когда после первого же занятия мама вернулась не в духе, объявив, что не понравилась инструктору.

– Еще и гондоны пришлось на головы натягивать – ну, эти латексные фиговины, которые дерут волосы с головы. Вода там мертвая. И все на меня тарасились.

– Ну так не ходи больше, – сказала я.

– Думаешь, Джеймс поймет?

– Конечно, – сказала я, надеясь, что ошибаюсь.

Мне хотелось, чтобы они поругались. Но Джеймс, конечно, все понял. И даже умилился тому, как ей не хотелось показываться людям в купальном костюме. Кстати сказать, ей пришлось купить купальник специально для занятий. В море она плавала в чем мать родила.

* * *

Джеймс уговаривал меня окунуться вместе с ними, но я и думать не могла о том, чтобы купаться нагишом в компании с мамой. Я старалась не смотреть, как она раздевается, но не могла оторвать взгляд от ее плоского живота, ямок пониже поясницы, изгиба спины, странно торчащих грудей. Редкие волосы на лобке были тонкие и светлые, как на руках.

Джеймс не заголялся. По крайней мере, до захода в море. Что произошло в воде, я не знаю – возможно, она сорвала с него плавки. Они целовались. Она обвила его руками и но-

гами. Ему это нравилось.

* * *

Я приезжала на пляж за ракушками. У нас дома все подоконники были завалены пляжными трофеями – сердцевидками, черенками, гребешками, вонголе, морскими улитками, береговичками... В ванной стояла чаша с раковинами каури. Лучшие ракушки – полосатую венеру, веретенообразные раковины, теллины, раскрытые, будто крошечные крылья фарфоровых бабочек, – мама приберегала для подоконника в Табернакле. Как-то раз я стащила из Табернакля ракушку под названием «пеликанова нога» и спрятала под подушку. Наутро ракушка пропала – под подушкой осталось только несколько песчинок. Я решила, что это зубная фея забрала ее и вернула на место, в Табернакль.

Однажды мы нашли раковину стромбуса. Мама сказала, что, приложив ее к уху, я услышу океан. А потом объяснила, что на самом деле я слышу собственный пульс – море у меня внутри.

* * *

Был отлив. Вода доходила маме и Джеймсу только до колен, но буйный прибой с сокрушительной силой пытался

сбить их с ног. Опустив взгляд, я перебирала выброшенный им мусор. Некоторые ракушки – тонкие, как яичная скорлупа, другие – толстые, как зубы. Морскую ерунду вроде черенков, мидий и сердцевидок я оставляла без внимания. В детстве я бы уже набрала полные пригоршни – каждая сердцевидка казалась чудом, – но теперь, став знатоком, снисходила только до диковин. Не обязательно ракушек. Унесенные морем осколки пивных бутылок возвращались очищенными от всех признаков своего скромного происхождения. Однажды я вроде бы даже нашла кость. Показать ее Билли я не решилась: вдруг бы он сказал, что это что-то обыкновенное.

* * *

Я думала о парне, который на мессе стоит позади всех. Сесть на скамью – по его мнению, чересчур серьезное обязательство. Для этого он слишком крут. И предпочитает торчать позади, демонстрируя свой агностицизм. На мессе я с ним кокетничала. То есть пыталась. Поглядывала на него украдкой. А поймав его взгляд, тут же пугалась и отводила глаза. Это глупо и ужасно. И вообще неловко.

В школе мы учились в одном классе, но я ни разу с ним не говорила. Я до сих пор стараюсь его избегать. Всякий раз, как нам приходилось общаться, я опасалась, что разрушу что-то между нами, как боялась перешагнуть грань реального мира. В своей симпатии к нему я не оригинальна – он нра-

вится всем. За это я злилась на него: он превратил меня в банальность, хотя мы даже парой слов не обменялись.

Каждое утро мы клали рюкзаки вплотную друг к другу возле школьных шкафчиков. Мне нравилось, что они весь день лежат рядом. Меня согревала эта мысль. Теперь я скупала по тем временам. Билли всегда говорил, что «выпускные» – грустное слово. Окончание школы – не странно ли об этом горевать?

Причем больше всего мне не хватало парня, с которым я никогда не говорила. Фантазии о нем остались в школьных стенах ветшающим памятным мавзолеем. Они воскресали, только когда я, увидев его на мессе, уносила их с собой, например, сюда, на пляж. Я смотрела на маму и Джеймса и пыталась представить меня и его. В жизни я не решалась с ним заговорить, но в воображении раздевалась перед ним донага. Целовала его в море.

Наклонившись, я вытащила из песка маленькое пушистое белое перышко. Завернула его в салфетку и положила в карман, словно вверив себе самой некую тайну.

* * *

Я сидела на каменном парапете, подстелив полотенце и обняв руками колени. Ветер сдувал капюшон куртки набок, и казалось, будто я в палатке. Мама и Джеймс, дрожа, вылезли из воды и потянулись за полотенцами. Джеймс побежал

к машине за едой.

– Как искупались? – спросила я.

– Потрясающе, – ответила мама.

– Холодрыга! – крикнул Джеймс.

Он принес из багажника большую хозяйственную сумку. Завернутые в фольгу треугольные сэндвичи с ветчиной и чипсами с сыром и луком. Заварной чайник. Пачку шоколадного печенья. Два термоса с горячей водой. Наполнив чайник, Джеймс надел на него мамину вязаную шапку, словно грелку.

Стараясь не смотреть, как мама одевается, я хрустела чипсами, зажатыми между половинками сэндвича. Она уже застегивала мохнатую куртку. И наконец надела согретую чайником вязаную шапку.

– Ну как, хорошие тут ракушки, Дебс? – спросил Джеймс.

– Нормальные.

– Я видела симпатичных багрянок, – сообщила мама.

– Они были все в сколах.

– Помнишь, как меня вызвали в школу из-за твоего сочинения про пляж? – спросила она.

– Ага.

Удивительно, что она помнит. Интересно, как она превратит случившееся в забавный рассказ для Джеймса.



Мне было лет восемь, когда мама застала меня на пляже с пригоршней ракушек. Я спросила, можно ли взять их с собой, и она разрешила, но только если я выучу их названия.

– Имена обладают волшебной силой, – сказала она. – У чего нет имени, того не существует. Представь, что я назвала бы тебя Фионой или Луиз.

Я покачала головой. Моя восьмилетняя личность содрогнулась от ужаса при мысли о других моих «я».

Через неделю после нашей поездки на пляж маму вызвали в школу, чтобы поговорить о моем сочинении под названием «Как я провела лето». В этой трогательной истории я день за днем проводила на пляже, собирая и опознавая ракушки, пока мама не звала меня ехать домой. Всякий раз, как мама называла меня другим именем, например Фионой или Луиз, я расщеплялась надвое и моя не названная ею половина уходила в море. К концу сочинения набралось немалое число жертв.

Учительница показала на слово на странице и попросила меня его произнести.

– Самоубийство, – прочитала я, гордясь тем, что знаю такое длинное слово.

Мама вернулась со встречи с учительницей с улыбкой на лице. Налив нам по чашке чая, она заговорила со мной о

сочинении как со взрослой.

– Девочки должны уходить в океан, а не в море, – сказала она.

Я кивнула.

– В океан, – повторила она. – Не называй его морем, это вульгарно. Называй его как следует – океаном.

– Океан, – проговорила я.

– Чувствуешь, насколько так лучше? Можно ощутить звучание на вкус.

* * *

Той ночью она оставила у меня под подушкой письмо. Взволнованные каракули. Я перечитывала его столько раз, что выучила дословно, хотя так до конца и не поняла, что оно значит:

Океан. Произнеси это вслух. Ощути его звучание на вкус. Слово «океан» произошло от имени Океана – древнегреческого титана, чье водяное тело охватывает собой всю землю. Где бы ни находилась вода, рано или поздно она найдет обратный путь домой, к своему первоначалу, где ее убаюкает мерное дыхание волн. Океан – то место, где вода видит сны.

Засыпая, мы переносимся в мир, где слова растворяются и теряют значение, словно падающие в океан капли дождя. Коснувшись поверхности океана, дождь перестает называться дождем. Попав в

сновидение, сновидец исчезает. Остается только сон.

Благословение

Вернувшись с пляжа, Джеймс отправился на дойку, а мы полтора часа готовились к Кладбищенскому воскресенью. В этот день все собираются на кладбище на ежегодную вечернюю мессу под открытым небом – мероприятие, вносящее в жизнь разнообразие и одновременно напряжение, нечто среднее между тихим паломничеством и самым скучным на свете опен-эйром. На протяжении часа мы стоим над нашими мертвыми родственниками, поглядывая, насколько ухожены другие могилы.

Надгробия расположены ровными рядами. На вершине холма высится огромный деревянный крест размером четыре на два метра – по всей видимости, таковы точные габариты креста, возведенного на Голгофе. Раньше на распятии висел Христос в человеческий рост, но какие-то недоумки украли его, оставив лишь левую ладонь, пригвожденную к кресту.

Священник проводил такую службу впервые, на это обратили внимание все. В алтарь, устроенный в прицепе к фургону «Форд-Транзит», он поднялся нетвердым шагом. Впрочем, наш отец Джон – щуплый священник-филиппинец – держится молодцом. Местные мгновенно к нему прониклись за приветливость и за то, что не стремится демонстрировать свой ум. Вроде Луи Теру, только в сутане. Футбольная ко-

манда умудрилась залучить его на тренировки, и он показал себя мастером по части угловых. Похоже, он с удовольствием выпивает с парнями субботними вечерами и подыгрывает дежурной шутке, дескать, увидимся утром на мессе.

Бардак во время благословения могил бывает всегда, но в этом году творилось что-то запредельное. Хор пытался выдать песни Леонарда Коэна за церковные гимны. Из неустойчивых колонок неслась «Аллилуйя». На словах «и привязать тебя к плите» Джеймс подтолкнул маму локтем, что-то шепнул, и плечи обоих затряслись от беззвучного смеха.

Разумеется, все заметили, что Джеймс стоит у наших могил, а не у своих семейных. Он припозднился с дойкой, а наши расположены ближе ко входу, так что он просто тихонько встал рядом с мамой. У Ширли, его матери, лицо сделалось как отшлепанная задница, но она никогда не говорила ему слова поперек.

Мне было завидно, что мама стоит рядом с Джеймсом. Он выглядел центром притяжения – высокий, широкоплечий, с крупными сильными руками. Как выражался Билли, «у нашего Джимбоба не ладони, а лопаты». Билли – единственный, кто звал Джеймса уменьшительными именами: Джимом, Джимми, Джимбобом. Если он и величал его Джеймсом, то иронически, обычно в пику маме. По-моему, дело тут в балансе власти. Их послушать, так подумаешь, будто это Джеймс – хозяин фермы. Именно он тут распоряжается и управляет. Мужчины, заглядывавшие к нам с черного хо-

да, никогда не искали Билли. Только Джеймса. До того как появился Джеймс, они искали дедушку. И Билли это вполне устраивало. Если на ферме что-то приключится, он ни при чем.

Мы стояли у могилы бабушки и дедушки. Меня называли Деборой в бабушкину честь. Странно было видеть на надгробии свое имя. Мне рассказывали, что бабушка умерла во сне. О передозе я узнала позже. Прямо такого никто не говорил, но я все поняла из слов Билли, когда на него напала пьяная сентиментальность.

А потом до меня дошел слух о том, что сказала дяде наша ризничая, Бетти, в пабе незадолго до закрытия. Бетти – женщина миниатюрная, нервная и пить не умеет. Билли попытался ее развеселить, а она ни с того ни с сего завопила, что Дебби Уайт была чертова шлюха и ей не место в освященной земле. Дядя встал в боевую стойку и сообщил, что, если Бетти еще заикнется про его мать, пускай выбирает, из какого окна ее вышвырнуть. В пабе его до сих пор зовут Выбери-Окно.

Отец Джон спустился по лесенке прицепа и начал обход, окропляя могилы святой водой. Кресло-коляску с девяностолетней миссис Кофлэн, укутанной в пуховое одеяло до самого подбородка, подкатили к краю могилы, и старушка сидела с таким видом, словно собралась упокоиться рядом с мужем.

Билли не религиозен. Это единственная месса в году, ко-

торию он посещает из уважения к памяти родителей. Он следит, чтобы могила была прибрана, а цветы политы. На Рождество он приносит им пуансеттию, а сейчас надгробие украшал горшок с желтыми примулами. Примулы были любимыми бабушкиными цветами.

* * *

Я явилась сюда не ради бабушки с дедушкой. А чтобы хоть одним глазком взглянуть на парня, который стоит позади всех на мессе. Я видела, как он пришел вместе с семьей. В спортивной футболке и джинсах. Для ирландского лета кожа у него была слишком загорелой – наверное, ездил куда-то отдыхать. Я поглядывала в сторону могилы его деда. Парня заслоняло надгробие, но из-за камня торчал кончик локтя – самого божественного локтя, который я когда-либо видела.

Будто почувствовав, что я на него смотрю, он вышел из-за камня, и я отвела глаза. И в результате столкнулась взглядом со своей старой учительницей фортепьяно. Улыбнувшись, она снова опустила взгляд себе под ноги. Мне стало стыдно, что я не улыбнулась в ответ. Туалет у Одри Кин – самый красивый из всех, в каких я бывала в жизни. Я вечно проводила там по пол-урока. Она наверняка думала, что у меня жуткий цистит. Помню, как я вдавливала указательный палец в восковые ароматические свечи на бачке унитаза и подставляла палец под кран, изумляясь, что не чувствую воду

СКВОЗЬ ВОСК.

Билли перестал водить меня на уроки фортепьяно после того, как кто-то сказал ему, что Одри Кин побывала в реабилитационном центре. Алкоголиком в нашем приходе быть не зазорно, если только ты не лечишься. Местные считают пристрастие к бутылке способом выживания. Продолжай Одри тихонько выпивать у себя дома, люди по-прежнему отправляли бы детей к ней на уроки. Проблема Одри была в том, что она признала, что у нее есть проблема, да не с чем-нибудь, а с алкоголем, любовь к которому питали все без исключения.

Сколько бы я ни пыталась, я не могла представить свою учительницу пьяной. По ночам я лежала без сна, пытаюсь совместить в воображении эту безупречно одетую леди с тонкими пальцами и тихим голосом, терпеливо показывавшую мне, как сыграть гамму до-мажор, и осовелых толстопузых мужиков, которых я видела в пабе. После реабилитационного центра она стала меньше следить за внешностью и перестала красить волосы. По-моему, седина ей идет. Интересно, давно ли она в завязке и завязала ли вообще.

Луна взошла рано. Полумесяц скользнул на небо, словно выкатившаяся из щели монета. Почувствовав на щеке каплю дождя, я мысленно прокляла погоду за то, что та испортилась прежде, чем окончилась месса. Я ждала новых капель, но дождя все не было. В этом ощущалось нечто значительное – крохотный кусочек тучи упал с неба, будто благословение.

Умудренный философ

Я теряю студенческий билет, кошелек или телефон не реже раза в день. Происходит это всегда одинаково. Я хлопаю себя по карманам. Проверяю пальто. Вытряхиваю сумку. Мысли несутся вскачь, мозг закипает, становится трудно дышать. Я чувствую, что у меня горит лицо. В горле встает комок, руки трясутся, и я отключаюсь от происходящего. Бегу или быстрым шагом иду сама не зная куда. Мне доводилось пропускать лекции, потому что я искала студенческий. Однажды я не ела целый день, пока не обнаружила свой телефон в бюро находок на станции Коннолли. Я обняла бариста, который нашел мой кошелек в туалете «Старбакса». Эти воссоединения с вещами проходят трепетно, особенно после долгой разлуки. Я смотрю на них и обещаю, что на этот раз все будет по-другому. Я буду беречь их как зеницу ока. словно безответственный отец, я клянусь, что больше никогда-никогда их не брошу.

* * *

Парень на посту охраны мог бы уже меня запомнить, но мне все равно пришлось показать на свой в ряду потерянных студенческих, выставленных с внутренней стороны окна.

– Это мой!

На фото я выгляжу как ребенок. Парень сунул билет в лоток под окошком.

– Огромное спасибо, – сказала я. – Больше не повторится. Он отхлебнул кофе и отвернулся, чтобы поболтать с сидящим рядом сослуживцем.

Сжав пластиковую карточку в руке, я снова обрела способность дышать.

Я направилась к балкону рядом с раздвижной дверью, но как раз закончилась лекция, и мне пришлось остановиться, чтобы пропустить выходящих. Они смеялись – все как один – и прекрасно себя чувствовали, пока я болталась как неприкаянная, паникуя и теряя вещи.

Сама не знаю, почему я паникую. Вроде и поводов нет. Целыми днями я только и делаю, что теряю свои вещи и опять их нахожу. Мне уже кажется, что некая часть меня поступает так нарочно. Я угодила в порочный круг. Это самая будничная форма самосаботажа.

Чтобы передохнуть, я пошла в туалет, встала в очередь и мельком увидела в зеркале свое отражение. Под глазами залегли синие тени. Я вымоталась от постоянных жалоб самой себе. С начала учебы в колледже я сплю гораздо больше обычного, но такой сон только утомляет. По части сна я уже почти догнала маму. Прошлой ночью проспала четырнадцать часов и все равно хочу лечь в постель, как только вернусь домой.

Я приложила ладони к лицу, чтобы остудить щеки. Из кабинки вышла женщина. Я бросилась в освободившуюся кабинку, закрылась от остального мира и, сидя на стульчаке, стала ждать, когда мне полегчает.

* * *

Скамейки перед гуманитарным корпусом предназначались для студенческих компаний, курильщиков и голубей-акселератов, высматривающих пищу. Меня пугают даже голуби.

– Дебби!

Наверняка это Ксанта. Моя единственная подруга. Подруга? Знакомая? Девушка, которая знает меня по имени? Я обернулась, но ее не увидела.

– Дебби!

– А, привет!

Она сидела на скамейке с каким-то парнем. Он обнял ее одной рукой.

– Дебби, это Гриффин.

– Приятно познакомиться, Дебби. – Гриффин протянул ладонь, я пожала ее и продолжала робко стоять, пока он не показал мне на другую сторону скамьи. – Садись.

Я опустилась на скамейку, чувствуя себя как на беседе-вании.

– Первый курс? – спросил он, показав на «Антологию аме-

риканской литературы» Нортон у меня в руке.

– Ага.

Он кивнул:

– Ты в курсе, что в букинисте Нортон можно купить от силы за десятку?

– Серьезно? Я за него только что в «Хоггис Фиджесе» целое состояние отвалила!

Они засмеялись.

– Или как там их контора называется... – Я покраснела, поняв, что переврала название.

– Всегда можно вернуть.

– Да ну, гемор. Вообще они там такие любезные. Еще и поставили мне несколько штампов в карту постоянного покупателя.

– Святая правда. Стоит туда зайти, как хочется скупить весь магазин. Ничто не сравнится с запахом новой книги, – сказала Ксанта.

Гриффин обнюхал мою сумку.

– Пахнет дорого, – подытожил он, стряхивая пепел с сигареты.

– Ты тоже с факультета литературы? – спросила я.

– Господь с тобой! Я рассчитываю после колледжа найти работу. Без обид. Я на последнем курсе физического.

– Звучит прикольно.

– Так и есть.

– Грифф – гений, – сообщила Ксанта. – Стипендиат Фон-

да!

– Стипендиат Фонда? Это как?

– Фонд колледжа выдает специальную стипендию. Я на втором курсе сдал экзамены. Их любой может сдать. Если справишься, тебе оплатят учебу. Плюс общежитие, питание и немного денег на руки. Вполне неплохо.

– Ага... – Я отметила для себя, что надо подать на стипендию Фонда и во что бы то ни стало ее получить.

Гриффин напоминал сына-подростка кого-нибудь из битлов: пышная кудрявая грива, на волосатой груди блестела монетка на цепочке.

– Гриффин, а ты откуда?

– Арди, графство Лаут.

– А по выговору и не скажешь.

– Ну спасибо.

– Наш копытчик тоже из Арди.

– Кто, прости?

– Резчик копыт. Не знаю, как его зовут, но выговор у него уморительный.

– Ты, видно, нечасто знакомишься с новыми людьми? Ни тебе предисловия насчет фермерского бэкграунда, сразу – хопя своим копытчиком! – Похоже, Гриффин изо всех сил старался меня смутить.

– Значит, у тебя уже есть планы после выпуска? – спросила я.

– Думаю специализироваться на океанографии.

– Ух ты! Будешь изучать изменения климата?

– Диссертацию я буду писать по ледниковым эпохам, особенностям формирования ледникового покрова и причинам, по которым ледники начали отступать.

– Круто.

– Он еще и репетитор, – тоном официального пресс-секретаря сообщила Ксанта.

– Время от времени. Платят мало, но на хлеб с маслом хватает.

– Пойдем выпьем, – предложила Ксанта. – Дебби, пошли с нами.

– Не могу, мне домой надо. У Джеймса день рождения.

– А, здорово! Ну ничего, в следующий раз. – Она повернулась к Гриффину. – Пошли со мной пить.

– Мне нужно зайти домой переодеться, – сказал Гриффин.

– Не дури, ты отлично выглядишь.

– Мне нравятся твои джинсы, – сказала я.

– Спасибо. – Он погладил торчащие из рваных черных джинсов колени. – Вообще-то они новые. «Томми Хилфигер». На этикетке они назывались состаренными.

– Преждевременная старость – как экзистенциально!

– Мой умудренный философ, – Ксанта взъерошила ему волосы. – Сколько они стоили?

– Не помню, фунтов двести.

– Ты в курсе, что в секунде такие продаются от силы за десятку? – спросила я.

– Ой-ой! – Ксанта ткнула его в живот.

Гриффин улыбнулся, но съязвить в ответ не сумел.

Я попрощалась и ушла со смутным ощущением победы.

Двадцать пять

Голова отяжелела от выпивки, а я ее и не удерживала. Сложилась пополам на стульчаке, так что живот касался внутренней поверхности бедер. Передо мной открылся перевернутый обзор места, которое я впервые побрила несколько часов назад. Раньше я только подравнивала жесткие волосы, перебирая их и приглаживая, будто мать, состригающая локоны своего малютки. Неужели у всех лобок после бритья розовый, в красных точках и похож на ошипанную курицу? Губы с редкими волосками, которые у меня не получилось достать бритвой, выглядели как кончик слоновьего хобота. Над ними, свесившись набок, торчал язык. Раньше я его не замечала. Неужели он всегда там был и высовывался из этой бороды?

Вот бы рядом оказались другие девчонки, как когда все набиваются в одну кабинку, чтобы распить припрятанные в сумочках миньоны и по очереди пописать. Кажется, побрилась я зря: никто, даже пьяные девчонки, украдкой не оценит, в какой презентабельный вид я себя привела. Обычно я спускаю трусы в последнюю секунду и сдвигаю ноги, чтобы спрятать свое гнездо, или вообще избегаю таких ситуаций, дожидаясь снаружи и завязываю притворную дружбу с туалетной смотрительницей, которая сидит на табурете, раздавая квадратики туалетной бумаги и охраняя свою коллекцию

дезодорантов и мятных леденцов.

По правде сказать, подруг у меня так и не появилось. В школе некоторые девочки терпели меня, как терпят прибудившихся кошек. Мне кое-как удалось втереться в компанию, которая тусовалась на задворках сборных домов, но в нее входили и мальчишки, да и продолжалось это всего несколько месяцев. Я сошлась с теми ребятами только потому, что целовалась с парнем из их компании. Когда у него появилась девушка, мы остались друзьями, насколько вообще можно дружить с парнями. Он по-прежнему пытался бросать драже мне в рот, пока девушка ему не запретила. Потом они начали обедать в кафешке, а я побоялась навязываться и стала ходить к сборным домам одна и читать.

Внимательно осмотрев свои излияния, я нажала кнопку смыва. На поверхности водянистого золота поднялась пена, словно на пинте пива. Потом, ерзая на стульчаке, стала взбивать прическу – сначала для объема, а потом уже ради удовольствия, – пока не стукнулась головой о стену кабинки.

Туалетная комната в «Кэссиди» обладала всем очарованием зимнего коровника. В углу под потолком свила гнездо какая-то птица. Кафельная плитка на стене была забрызгана ее дерьмом. Впрочем, Ширли ко дню рождения Джеймса раскошелилась на новый брусок мыла. Кран смесителя отвалился, поэтому, чтобы включить холодную воду, приходилось поворачивать ржавый гвоздь. Тут требовалась сноровка, так что обычно все ошпаривались кипятком. Рядом с ра-

ковиной установили зеркало во весь рост. Встав перед ним, я поразилась, до чего я похожа на беременную: все время забываю втянуть живот. На мне было черное платье в обтяжку и туфли на каблуках, уже успевшие натереть мне ноги до пузырей.

Освещение тут беспощадно. Волосы у меня слипшиеся и сальные, глаза черные, лицо бледное, а ниже все оранжевое от потекшего автозагара. На коленке алел прыщ. Попытавшись его выдавить, я заметила вокруг недобритые волоски. Самое обидное, что сегодня я старалась привести себя в порядок как следует. Честно не пожалела сил. У меня чуть мозг не взорвался, пока я решала, что надеть. К этому вечеру я эмоционально и физически готовилась много дней, даже недель.

Сделав глоток водки с лимонадом, я снова посмотрелась в зеркало. Так-то лучше. Нарцисс наверняка был пьян, когда влюбился в самого себя.

Выйдя из туалета, я подумывала, не найти ли маму, но испугалась, что она втянет меня в очередную свою ссору с Ширли. Мама хотела водрузить на один из столов пирог, приготовленный для Джеймса, но Ширли настаивала, чтобы мамино угощение оставалось в подсобке, потому что настоящий пирог у нее уже есть. Мамин пирог был монументален: цифра два целиком состояла из вареных в мундире картофелин, а цифра пять – из восьми коврижек черного хлеба: и то, и другое Джеймс обожает. Справедливости ради стоит заме-

тить, что картошку сварили только сегодня, она свежая, к тому же мама любезно предложила сама раздавать пирог и выразила готовность почистить картофелину и порезать хлеб каждому желающему. Ширли опасалась, что в таком случае гости примутся швыряться едой, испортят праздник и разгромят ее паб.

Ширли с мамой никогда не ладили. Еще до того, как мама сбила Джеймса с пути истинного, между ней и Ширли установился какой-то странный дух соперничества. Или ревности, не знаю. Обе они жаждали мужского внимания, и, стоя за барной стойкой, Ширли всегда получала его вдоволь. Но в душе она клуша, и ей не нравится, что мама вечера напролет подкатывает к завсегдатаям, отвлекая их от кружек. Дежурная шутка: когда в паб заглядывает мама, тот закрывается раньше времени.

Я обвела глазами толпу в поисках Билли и пристально, как гадалка, вглядывалась в лица женщин, надеясь понять, кто из них бреет только линию бикини, кто оставляет вертикальную полоску, а кто предпочитает бразильскую эпиляцию. Задержав взгляд на Аланне Бёрк, я представила, что под джинсами с высокой талией она вся как силиконовая. Она начала удалять воском волосы на руках в четвертом классе.

Интересно, догадывается ли хоть кто-то, что у меня в промежности нет волос? Осталось только что-то вроде утренней щетины, избавиться от которой мне не удалось, как бы тщательно я ни орудовала бритвой. Запусти какой-нибудь па-

рень руку в мои хлопковые трусы, он бы решил, что гладит колючий мужской подбородок.

* * *

Господи боже, а вот и он.

Парень, который на мессе стоит позади всех.

* * *

Я прошествовала в так называемый стариковский бар. Надеюсь, что он за мной наблюдает. Может, если я притворюсь, что его не существует, он меня заметит.

– Э-э-эй, Дебби!

Какой-то пьяный мальчишка, шатаясь, подошел и положил руку мне на плечо, чтобы не упасть. Кажется, кто-то из Кондронов. Лет тринадцати.

– Привет, – обратилась я к ладони на своем плече.

Уши у него горели от смущения, но выпивка развязала ему язык.

– Может, пососемся? – спросил он.

– Зайди, когда яйца отрастут, – ответила я, сняв с плеча его руку.

Его компания заржала, и я отошла подальше, чувствуя, что краснею. После стычки с тринадцатилеткой мое сердце

билось чаще, чем следовало бы. Очевидно, до юного поколения дошел слух, что я целуюсь со всем, что шевелится. Стоит только попросить, или чтобы хоть приятель попросил за тебя.

Я целовалась с парнями из любопытства. Когда они целуются впервые, это заметно. Обычно так и бывает – даже теперь, когда нам по восемнадцать лет. Просто удивительно. Некоторые из них пользовались мной, как манекеном для краш-теста. Другие были уверены, что можно лапать меня за грудь или совать руки мне в трусы, пока я не выводила их из заблуждения. У меня все строго. Как-то поступила заявка воспроизвести перевернутый поцелуй Человека-паука. Другой парень прислал эсэмэску, когда на перемене пошел дождь, и позвал меня за сборные дома целоваться под дождем. Изо рта у него отвратно пахло жвачкой, и потом он рассыпался в благодарностях. Я боялась, что он позовет меня снова, а я не решусь отказать. Проблема в том, что, начав говорить «да», отказать бывает очень сложно. Я перецеловала кучу парней, которые мне не нравятся, исключительно из жалости. Я способствовала воплощению их фантазий в реальность. К сожалению, реальность всякий раз оказывалась мокрой и унылой. Я не девушка мечты, которую они себе воображали. А единственный, о котором мечтаю я, стоит на мессе позади всех.

Некоторые парни были вполне милы. Том Мерфи перед поцелуем снял очки, сложил их и пристроил на подоконнике,

так что казалось, будто они за нами наблюдают. Прежде чем наклониться ко мне, он взял меня за руку и провел ладонью по моей щеке. Нам было по четырнадцать лет. Пожалуй, это был мой любимый поцелуй. Но с парнем, который бы по-настоящему мне нравился, я не целовалась никогда. Даже не представляю, каково это.

* * *

Музыка смолкла, и диджей вызвал Джеймса на двадцать пять поцелуев⁴. Свой двадцать первый день рождения Джеймс провел в отпуске в Америке, и мама всегда горевала о том, что он не отметил праздник как следует. Наверное, он стал первым человеком в истории, кто отметил свои двадцать пять так, как принято праздновать совершеннолетие. Девушки выстроились в очередь, и я подумывала присоединиться, но целовать Джеймса было бы слишком странно – даже в щечку. Двое парней из команды по херлингу удерживали его на стуле. Двадцать третий поцелуй, двадцать четвертый... Джеймс встал и на двадцать пятый поцелуй вызвал маму.

⁴ Согласно ирландской традиции, в двадцать первый день рождения виновник торжества усаживается на стул и получает двадцать один поцелуй от гостей праздника.

Сладкие ощущения

Я в очередной раз зашла в Фейсбук, чтобы тайком изучить страничку Ксанты. Ксанта Вудс (2345 друзей). У меня их было семьдесят один. И то я из кожи вон лезла. Принимала запросы от людей, с которыми не разговаривала с начальной школы. От парикмахерш. От личных тренеров. На днях даже приняла в друзья какую-то организацию под названием «Сила Господня», лишь бы накрутить число френдов. Тяжело видеть эти цифры в скобках непосредственно после собственного имени.

Похоже, для Ксанты создание сетевого образа не составляло особого труда. На аватарке у нее стоял не какой-нибудь растянутый на пиксели снимок ее счастливой физиономии. Ксанта не до такой степени заурядна. Она выбрала черно-белый портрет взлетающей птицы. Я просмотрела ее предыдущие юзерпики. Вот затылок Ксанты на фоне голубого неба. А вот Ксанта, снятая с верхнего ракурса, с маргариткой за ухом, сидит на траве по-турецки и читает «Мидлмарч».

Наверное, она делает то же самое – встретится с кем-нибудь пару раз вживую, а потом выслеживает его в сети и буквально умоляет ее зафрендить. Так и вижу, как она пытается невзначай выведать у людей фамилии сразу же после знакомства.

Пришло уведомление о новом сообщении, и сердце вы-

скочило из груди. Надо быть поспокойнее. Это Ксанта:

Дебби, привет! Вечером идем выпить, если хочешь – присоединяйся. Если стремишься поздно возвращаться, ночуй у меня. Если не хочешь, я не обижусь! До связи X.

Что означает этот крестик? «Целую» или «полюбуйся на мой зашибенный греческий инициал»? Я печатаю ответ:

Отлично! Где ты живешь?

* * *

Ксанта жила на Джеймс-стрит, в квартире над секс-шопом под названием «Сладкие ощущения». В рекламе секс-шоп именовал себя «магазином и кинотеатром для взрослых». Я старалась не думать о том, что представляет собой этот кинотеатр. По пути я получила от Ксанты предупреждение, что возле входа в дом обосновался бомж. К моему облегчению, когда я приехала, его уже не было. Домофоном я пользоваться не умела, поэтому просто написала Ксанте: «Я тут!» Через пару минут тяжелая зеленая дверь распахнулась. Ксанта была в халате, с еще мокрыми после душа волосами.

– Привет! Я так рада, что ты выбралась!

Кажется, нам следовало обняться, и она улыбнулась, сглаживая неловкость.

– Спасибо, что пригласила! Ты точно не против, чтобы я осталась?

– Конечно! Надеюсь, ты не возражаешь, если я положу те-

бя на диване? Он очень удобный.

– Конечно! Громадное спасибо. – Я обвела взглядом грязные кремовые стены подъезда и потертый коричневый ковролин. – Я почему-то думала, что ты живешь в общежитии.

– Если бы! Нет, папа купил эту квартиру, когда под ней еще не было секс-шопа. Думал, будет выгодная инвестиция.

– Твой папа лендлорд?

– Ха-ха, он бы с удовольствием. Звучит как средневековый злодей. Но нет, это его единственная недвижимость, не считая нашего семейного дома. Он врач. Кстати, сегодня вечером он работает в неотложке через дорогу.

– Круто. – Я вежливо улыбнулась.

– Ага. Извини, что приходится подниматься по лестнице.

Лифт сломан.

– Ничего страшного, мне как раз не хватает тренировок.

Нагрузка совсем не повредит.

Мы оказались в коридоре со множеством дверей. По шуму сразу было ясно, которая из них ее. Дверь подпирала туфля на шпильке. Я отметила это с облегчением. Потому что не знала, надевать ли каблуки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.